

Предисловие автора

В начале девяностых годов прошлого века мы с женой и сыном впервые очутились в Альпах, приехав в замечательный горнолыжный городок Заальбах. Я много слышал об альпийских горнолыжных курортах, но то, что мы увидели, превзошло все ожидания.

Приехали мы вечером. С двух сторон от дороги в темноте угадывались горы, по которым ползали вверх и вниз какие-то огоньки. Оказалось, это специальные машины — ратраки, подготавливающие трассы к завтрашнему дню.

Нам, привыкшим к суровым условиям Приэльбрусья, всё было в новинку и вызывало неподдельный восторг: и многочисленные, разнообразные по конструкции комфортабельные подъемники, на которые не было очередей, и подробные карты трасс для катания, и то, что лыжи можно оставить где угодно, не боясь, что их стащат... Но самое большое впечатление на нас произвели сами горнолыжные трассы — широкие, гладкие, которые после бугристых, неухоженных склонов Чегета воспринимались как что-то нереальное.

Через несколько дней мы освоились (к хорошему быстро привыкаешь!) и каждый день совершали путешествия по многочисленным горнолыжным маршрутам окрестностей Заальбаха.

Когда мы однажды остановились на одной из развилок и, рассматривая схему трасс, громко обсуждали, в какую сторону лучше ехать, от проезжавшей мимо группы лыжников отделился мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, с рыжей шкиперской бородкой; он подъехал к нам и, «по-американски» грассируя, удивленно произнес: «Ну надо же, впервые слышу в Заальбахе русскую речь!»

Так мы познакомились с Владимиром Крысановым — и до конца нашего пребывания в Заальбахе ни на день с ним не расставались. Оказалось, что, побывав на многих мировых горнолыжных курортах, он уже на протяжении долгих лет предпочитает кататься на лыжах только в Заальбахе, где у него масса друзей, съезжающихся

сюда со всего мира. Сам он в то время проживал в Стокгольме и производил впечатление весьма обеспеченного человека.

На лыжах Володя катался замечательно — по любимым склонам и по любому снегу. Особенно он любил спускаться по целине и настойчиво обучал этому меня и моего сына. Иногда он любил по-пижонски спускаться с курительной трубкой в зубах (большая фотография, запечатлевшая его во время такого спуска, висит у нас дома).

Володя познакомил нас со своей интернациональной компанией, и мы прекрасно проводили время — сначала на лыжах, а потом на традиционных вечеринках «апрески», коих Крысанов был большой любитель. Иногда мы устраивали пикники на склонах гор, которые он на иностранный манер называл «митинги».

Володя на тот момент был холост и очень подружился с нашим девятнадцатилетним сыном. Они вместе ходили по дискотекам и даже иногда «снимали» там барышень.

В наших застольных беседах Крысанов неоднократно начинал рассказывать о своей удивительной судьбе, о бегстве в шестидесятых годах из СССР через Финляндию в Швецию. Но я его не очень внимательно слушал, и какого-то цельного повествования в голове не отложилось. Мы тогда больше внимания уделяли не прошлому, а настоящему — поразившим нас красотам Альп, ежедневным приключениям, знакомствам и другим аспектам горнолыжного отдыха. Из его рассказов я тогда понял только то, что Володя, много лет назад нелегально покинув уже не существующую сейчас страну, остерегается возвращаться на родину.

Тем не менее через пару лет он всё же рискнул приехать в Россию. Несмотря на все опасения, его не только не арестовали, но в существующем на тот момент бардаке даже не заметили. Он съездил к своим родным — в Сибирь, вернувшись оттуда в шоке от увиденной разрухи; повстречался после долгой разлуки с университетскими друзьями, с которыми познакомил и меня. Это оказались очень интересные и неординарные люди, работающие в различных областях науки и искусства.

Тогда же Володя пригласил нас с женой на Мальорку, куда он к тому времени перебрался из Стокгольма. Там он жил на большой

парусной яхте, пришвартованной к пирсу, которую недавно приобрел в Швеции.

Из аэропорта Крысанов сразу привез нас на роскошную виллу, где проходила шумная вечеринка. Среди многочисленных гостей, с которыми Крысанов нас непрерывно знакомил, были бизнесмены со всего мира — его приятели, что напомнило нам о традиционных «апрески» в Заальбахе.

На Мальорке мы провели две незабываемые недели, плавая небольшой компанией среди Болеарских островов. При этом Крысанов так уверенно и профессионально управлял своей яхтой, как будто всю жизнь занимался только этим делом.

Володя был очень интересным человеком и настоящим другом, готовым всегда прийти на помощь в трудную минуту, в чем я имел возможность лично убедиться. Недаром у него было столько друзей из различных областей человеческой деятельности в разных странах.

Несколько лет спустя мы с товарищем поехали кататься на лыжах в Заальбах. Там мы встретились с Крысановым, которого я предупредил о нашем приезде.

Выслушав во время одного из совместных застолий рассказ об его «одиссее», мой товарищ предложил написать об этом книгу. И я подумал: «А ведь действительно — такая непростая, насыщенная приключениями жизнь заслуживает описания! Но уж если писать книгу, то вместе с Крысановым. Ведь мне почти ничего не известно о его жизни до нашего знакомства. Да и историю его побега лучше него никто не знает».

Когда я рассказал Володе о нашей идее, он некоторое время думал, созревал — и наконец согласился. Более того, он сообщил, что уже связался с каким-то шведским издательством, которое согласилось его книгу издать (в Швеции он был весьма популярной личностью).

С этого момента Крысанов стал еженедельно присылать мне свои воспоминания, и я понял, что он настроился на серьезную работу.

Но тут случилось несчастье — Володя тяжело заболел. У него оказалась неизлечимая форма лейкемии. Человек огромной силы

духа, он несколько месяцев мужественно боролся с болезнью, продолжая при этом писать! Ему каждые две недели переливали кровь, проводили мучительные химиотерапевтические процедуры... но всё было напрасно, и вскоре Володи не стало.

Предвидя такой исход, он в последние дни своей жизни предложил мне всё же закончить книгу без него, предоставив мне право решать, в какой форме она будет написана. Единственное, о чем он просил, — не превращать ее в детективный роман, а постараться донести до читателя его мысли и истинную причину побега из СССР, что я, в меру своих способностей, и постарался сделать.

Хочу выразить благодарность друзьям и близким Владимира, откликнувшимся на мою просьбу поделиться своими воспоминаниями о нем (без их участия издание книги было бы невозможно): Зауру Квижинадзе, Виктору Трахтенбергу, Борису Углову, Михаилу Супоницкому, Владимиру Тигонену и, конечно, вдове Володи — Луизе, предоставившей в мое распоряжение уникальные материалы из шведских газет того времени, когда Крысанов после своего побега очутился в Стокгольме.

Борис Кантор

Пролог

31 июля 1965 года

В кабинете полковника КГБ Годовикова раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку.

— Слушаю!

— Товарищ полковник, это капитан Прохоров. Только что позвонил Туманян. Наш подопечный собирается завтра утром отправиться в путь.

— Решился всё-таки! С какого вокзала он поедет?

— Скорее всего, с Ленинградского — он вчера сдал там рюкзак в камеру хранения.

— Точное время известно?

— Нет, но Туманян завтра утром должен с ним встретиться и постараться уточнить детали.

— Понятно. — Полковник на минуту задумался. — Вот что, капитан, брать его в пути не имеет смысла — нет оснований! Что мы ему можем предъявить — что он едет в поезде с рюкзаком? Поступим так: подбери группу ребят из наружки — человек пять-шесть, и хорошо, если бы среди них был кто-то из тех, кого он мог видеть в университете, ну, кто там работает из наших сотрудников... При этом шифроваться особо не нужно! Наоборот, надо сделать так, чтобы он ясно понял: за ним следят! Если он не дурак — а он не дурак, — то поймет, что бежать с «хвостом» бессмысленно, и вернется назад. Хорошо бы ему в этом помочь — пусть, например, рядом случайно окажется попутная машина до Москвы... А когда вернется, ты как следуешь с ним поработаешь! Всё понятно?

— Так точно, товарищ полковник.

— Выполняйте! Когда возьмете его в Москве, сразу доложите мне.

— Есть, товарищ полковник!

1. На грани провала

КРЫСАНОВ

За окном было пасмурное утро, собирался дождь. Говорят, уезжать в дождь — хорошая примета! Я нервно походил туда-сюда по комнате, чувствуя себя спортсменом перед решающим забегом. Потом вспомнил: надо ж присесть перед дорожкой — и сел на диван.

Итак, на поезде — до станции Лоухи, оттуда пешком до Финской границы, а потом добраться до Швеции и позвонить Стефану... Дальнейшее зависит от того, как меня встретят шведские друзья — ведь с тех пор, как они уехали из Москвы, прошло уже три месяца! За это время они вполне могли забыть и про меня, и про свои обещания...

Мои размышления прервал стук в дверь.

— К телефону! — раздался знакомый громкий голос дежурной по этажу.

Звонил Вилли.

— Давай увидимся напоследок.

К чему эти бессмысленные «последние» прощания? Тем более что мы виделись пару дней назад. Но вдруг он хочет сказать что-то важное?

— Хорошо, давай встретимся через полчаса у метро «Красные ворота», но ненадолго!

О моем намерении бежать за границу знают только два моих близких друга: Заур и Вилли. С Зауром я попрощался вчера и договорился, что он сдаст мою комнату перед тем, как уедет в Тюмень. Ему же я передал письмо для родителей, которое он должен отправить через две недели. Лучше, если они узнают о побеге из моего письма, чем от КГБ.

Вилли подждал меня на выходе из метро и, увидав, удивленно спросил:

- А где же рюкзак?
- Он там, где надо, Вилли.
- Уже отвез в камеру хранения?
- Предположим, что так.

От метро мы направились не к вокзалам, а пошли сначала по Садово-Спасской улице, потом по Орликову переулку. Было не жарко — только что прошел дождь и, кажется, собирался снова. Несколько минут шагали молча. Мне казалось, будто Вилли хочет что-то сказать, но не решается.

Наконец я не выдержал этой затянувшейся паузы.

— Послушай! Раз уж мы встретились, то я тебе в последний раз предлагаю идти со мной. Пусть тогда не вышло, но теперь-то всё должно сложиться удачно! Если потребуется, я потащу тебя на спине. Я уверен, что мы не подохнем и пройдем. Пусть для этого потребуется два или даже три месяца. У меня теперь есть ружье и леска с крючками, я добуду жратвы столько, сколько надо!

— Нет, сэр! — Так называл меня Вилли, когда хотел подчеркнуть нашу близкую дружбу. — Предыдущий наш поход показал, что такое не для меня! Второго я не выдержу. Мне кажется, один — ты на этот раз пройдешь. А если мы пойдем вместе, что-нибудь случится снова, — нервно сказал Вилли, глядя куда-то в сторону, и, криво улыбнувшись, попытался пошутить: — Когда окажешься за границей, найди мне там жену-иностранку; может, хоть таким образом удастся выбраться отсюда.

— Жалко оставлять тебя здесь, Вилли. Ведь если я пройду, КГБ тебя съест. Они же знают, что мы друзья и в последний год всегда были вместе. Затаскают по допросам, доведут до ручки!

— Я зажмусь и буду молчать. А если меня вышибут из института, поеду куда-нибудь в Сибирь, буду работать в экспедициях...

— Ладно! Только бы это прощание не было прощанием навсегда. Я так говорю не потому, что меня могут убить, хоть это очень даже вероятно. Я опасаясь, что мы окажемся по разные стороны баррикад.

— Нет, сэр! Ты же знаешь, я не могу быть на другой стороне. Я обещаю, что буду продолжать слушать передачи «из-за бугра» по твоему классному приемнику, а может быть — услышу и о тебе!

— Ну ладно, Вилли! Как хочешь!

— Ты как пойдешь? Старым маршрутом? Ты ведь его уже знаешь почти наполовину.

— А вот этого тебе знать не надо! На всякий случай...

— Я понимаю...

Уже виднелась Комсомольская площадь, три вокзала. Я остановился.

— Вот здесь и прощаемся. Прощай, мой друг!

— Прощай, сэр! Удачи тебе!

— Спасибо!

Мы не обнялись, а просто пожали друг другу руки, и я, не оглядываясь, зашагал к вокзалам. Хотелось поскорее уйти. Уж очень меня тяготило это непонятное прощание с Вилли. Непроизвольно подумалось, что оно явно не к добру.

ВИЛЕН ТУМАНЯН (ВИЛЛИ)

С Володей Крысановым мы познакомились на вечеринке в доме у сына известного коллекционера русских авангардистов по фамилии Кастакис. Его привел с собой какой-то не вполне трезвый художник-диссидент и церемонно представил как своего друга и единомышленника, а также молодого и талантливого ученого.

Крепкий такой мужичок, небольшого роста, с рыжей бородой, в больших роговых очках — типичный геолог.

«Крруасанов», — сказал он, пожимая мне руку. Он как-то странно грассировал на американский манер, и мне даже пришло в голову, что, наверное, этот Володя, как и я, родился в Америке. Но когда я поинтересовался о его «корнях», выяснилось, что он родом из Сибири. Я даже расстроился.

Этот Крысанов недавно вернулся из длительного похода на подводной лодке, где занимался какими-то научными исследованиями; он был полон впечатлений, и вся подвыпившая публика с интересом слушала его морские байки.

Поскольку я жил неподалеку от его университетского общежития, возвращались мы с ним вместе. Было поздно; такси, как обычно, в поле зрения не появлялись, и нам пришлось долго идти по безлюдному проспекту Вернадского.

Я в тот вечер прилично выпил и, расчувствовавшись, стал рассказывать ему о себе, в том числе об Америке, где с раннего детства жил с родителями — сотрудниками нашего посольства. О том, как до десятого класса учился там в русской школе, где меня и стали называть «Вилли», а когда отца отозвали в Москву, заканчивал учебу уже здесь, после чего поступил на биофак МГУ, который окончил этой весной. И вот сейчас работаю в НИИ мозга, про который ходит шутка, что со дня его основания там занимаются исключительно изучением мозга Ленина.

Поскольку же художник-диссидент представил Крысанова как своего друга, я без всякой опаски стал ему жаловаться, что никак не могу привыкнуть к здешним порядкам и мечтаю вернуться обратно в США. Но как? Отца за границу уже не пошлют — возраст не тот. Он сейчас преподает в какой-то военной академии и вроде собирается на пенсию. А даже если и пошлют, то без меня. Ведь я уже не ребенок. Так что шансов никаких!

Около моего дома мы остановились, и Крысанов, видимо тоже пребывая в состоянии среднего алкогольного опьянения, после завершения моего ностальгически-восторженного рассказа об Америке долго молча смотрел на меня, как бы проверяя, а потом заявил, что лично он уже давно решил бежать из этой страны победившего социализма на Запад, так как другого способа оказаться там у него нет. И предложил осуществить это вместе...

Я был совершенно не готов к такому предложению «молодого талантливого ученого» и вначале подумал, что он шутит. Но Володя продолжал в упор смотреть на меня сквозь свои большие роговые очки, ожидая ответа. И я, ощущая почти физическое давление его взгляда, зачем-то сказал, что эта мысль часто приходила мне в голову! После этого, став уже как бы единомышленниками, мы долго с пьяным жаром обсуждали возможные способы осуществления нашей затеи, предлагая самые фантастические варианты, и расстались почти друзьями, решив вместе работать над планом побега.

КРЫСАНОВ

Острое желание каким-то путем попасть на Запад появилось у меня вскоре после поступления в университет. Зная не понаслышке о скотском существовании наших людей вдали от Москвы, которого я с лихвой наглотался в детстве, проведенном в Сибири, и общаясь с иностранными студентами, я понял огромную разницу между жизнью «здесь» и «там» — в странах «загнивающего капитализма».

Главное, что меня поражало в их рассказах, — свобода! Свобода человека выбирать: где, в какой стране ему лучше жить, где он хочет учиться, а потом работать. Свобода перемещаться по миру и путешествовать куда угодно без всякого разрешения властей страны, где он в данный момент проживает. По всей вероятности, это требовало соблюдения каких-то формальностей, но они были явно несоизмеримы с ограничениями, принятыми у нас.

Ближе к окончанию университета у меня даже появилась конкретная, но совершенно несбыточная мечта о том, где бы я хотел жить и работать. В одном иностранном научном журнале я нашел иллюстрированную статью про астрономическую обсерваторию Мауна-Кеа, расположенную на Гавайских островах, на высоте более четырех тысяч метров. После этого мне иногда даже снились эти экзотические Гавайские острова посреди огромного синего океана и их столица со сказочным названием «Гонолулу»!

Как я хотел там оказаться и работать в этой обсерватории, тем более что моя специальность вполне для этого подходила! Ведь тема моей дипломной работы, которую я писал в Государственном астрономическом институте имени П. К. Штернберга, была связана с влиянием неоднородности гравитационного поля Земли на движение небесных тел.

А кроме того, проживая и работая там, можно было бы свободно посещать и другие страны, плавать по океану на парусной яхте. (Что у меня была бы своя яхта, я не сомневался!) Да мало ли что еще можно было бы!.. Мне казалось: весь мир мог быть открыт для меня!

Мое теоретическое желание оказаться на Западе трансформировалось в конкретную идею побега после того, как стало известно,

что специальным постановлением правительства весь наш выпускной курс, вне зависимости от специальности каждого, направляется на нефтяные промыслы в Тюмень! А чтобы никто «не сорвался с крючка», свои дипломы мы сможем получить только через три года работы.

Как выяснилось, это неожиданное решение было вызвано тем, что недавно в Тюменской области дала первую нефть скважина какого-то ударника Семёна Урусова, что должно было положить начало разработке колоссального нефтяного месторождения. И руководство страны в приступе эйфории решило бросить для его освоения и скорейшего ввода в строй лучшие силы.

И вот, вместо интересной работы в Государственном астрономическом институте, куда меня уже распределили (и вместо Гавайев, которые, впрочем, оставались лишь в мечтах!), я должен ехать в тайгу, в глушь, и буквально убивать три года жизни, работая по совершенно другой специальности.

Надо любым способом валить отсюда! Так я убеждал себя. Ведь каждый контакт с нашими властями вызывает только чувства злобы и бессилия — чувства, свойственные рабу. Ведь в действительности все мы, даже те, кто высоко забрался по карьерной лестнице, — рабы этой системы. И пусть большинство мирится со своим рабством, а я — не желаю! У раба есть только два пути освобождения — восстать или сбежать. Восстать и изменить что-либо в нынешней обстановке совершенно нереально, поэтому есть только один путь к освобождению — побег! Конечно, если меня поймают, то объявят предателем, «изменником Родины». А кого я, собственно, предаю? Мать, отца, братьев и сестер, друзей? Нет! Может, Родину? А что такое Родина? Ведь не Родина же объявит меня предателем, а какие-то правящие нами люди, которым я никогда не клялся в верности. То, что я хочу покинуть эту страну, еще не означает, что я «предаю ее». Вспомним историю: люди всегда и всюду при желании покидали свои страны по тем или иным причинам. Только одни мы словно прикованы к своей стране цепями!

Среди моих «антисоветски» настроенных друзей ходило много рассказов о различных попытках побега из СССР. Я стал осторожно интересоваться такими случаями, чтобы определить для себя

вариант с наибольшей вероятностью успеха, и вскоре, как говорится, «вошел в тему»!

Насколько я уяснил и с удивлением осознал, такое, чтобы отдельно взятую страну обнесли колючей проволокой и окружили вооруженной стражей не для того, чтобы препятствовать проникновению чуждых элементов извне, а чтобы свои не разбежались, произошло впервые в истории! То есть границу СССР стерегли исключительно для того, чтобы не перелезали «отсюда» — «туда»! Поэтому основной задачей советских пограничников стала охота на своих. Всё, что двигалось в зоне границы, рассматривалось как цель и добыча. При этом способы охраны границы непрерывно совершенствовались: прожектора и радиолокаторы; закрытые приграничные зоны; вспаханная контрольно-следовая полоса (с нашей стороны!); минные поля и сигнальные ракеты...

И вот тогда побежали с выдумкой, с народной смекалкой. Побежали творчески!

В пятидесятые годы в ОКБ Яковлева был создан легкомоторный маломестный самолет для нужд народного хозяйства «Як-12». Было заявлено о создании нового вида транспорта — воздушного такси. Летчик и три пассажира. Самолет надежен, прост и мог садиться на любой луг.

Но самолет иногда не хотел садиться на любой луг — хотел на заграничный! Три пассажира сообщали пилоту, что следующая остановка, например, Стокгольм. Этажерка, летящая довольно низко на бреющем полете, не бралась радарам. А троим сговориться просто: три товарища, или одна семья, — никаких подозрений!

Выпуск самолета прекратили. Службу воздушных такси расформировали. Виновным отвернули головы. И приняли решение, что советские люди должны летать не менее чем по десять человек на самолете «Ан-2». По проверенным маршрутам!

С застарелой ненавистью красного кавалериста к аэропланам маршал Ворошилов под это дело ликвидировал аэроклубы (он тогда курировал ДОСААФ), и молодым любителям неба оставалось только летать на планерах или прыгать строго сверху вниз с парашютом. Самопроизвольные передвижения на парашютах по

горизонтали были запрещены после того, как пара юных асов нарушила священную границу.

Но если нельзя улететь, то можно попробовать уползти! Один молодой парнишка сумел проползти по дренажной трубе из советской Карелии в нейтральную Финляндию. Он разделся догола, обмазался солидолом для тепла и скользкости, выпил водки для бодрости и согрева, привязал резиновый мешок с одеждой к ноге и пополз, сняв с советской стороны трубы заранее спиленную решетку. В ледяной родниковой воде, текущей в трубе ручейком, он добрался до другого конца и стал пилить ножовкой уже финскую решетку...

Но круче всех был удачный случай побега по воде в процессе океанского круиза. Вдали от берегов Юго-Восточной Азии, среди необозримых просторов Тихого океана человек спрыгнул ночью за борт — и поплыл. Нет, конечно, он не с бухты-баракты спрыгнул. Он целый год изучал карты океанских течений. Разбирался в навигации по звездам и в розах ветров. Перерисовал на кальку и запомнил расположение самых мелких островков и атоллов, да чтоб рядом были морские пути. И вот теперь он надел ласты и поплыл. А плавал он хорошо! Он провел в воде почти двое суток, но добрался до берега и был найден, спасен, доставлен...

Все наши курортные морские побережья, с которых можно было проложить водный путь за бугор, вечером освещались прожекторами. Радостные погранцы по ночам регулярно выуживали из морской пены наивные обнаженные парочки, и лучи прожекторов бликовали на незагорелых местах.

Но и с курортов уплывали! Только не ночью, а днем — как бы нечаянно. Черноморский рецепт был таков: берутся два надувных матраса, и один привязывается под другой. Под ними прикрепляется непромокаемый мешок с канистрой пресной воды, едой и одеждой; рекомендуется взять также документы и русско-английский разговорник. А нож привязать бечевкой поближе, чтоб был под рукой. Это барахло, сложенное и завернутое в купальное полотенце, грузится в прогулочную лодочку, берущуюся напрокат на пляже. Отгребаешь подальше, надуваешь и спускаешь в воду матрасы и тихо дрейфуешь в сторону Турции. Тут главное — выбрать день с правильным ветром.

Расчет был прост, требовались лишь выносливость и мужество. Если катер погранцов тебя вылавливает уже черт-те где — ты обрезаешь и протыкаешь нижний матрас, топишь нож и благодарно плачешь на руках спасителей. Но чаще — пока хватятся, пока разберутся, пока заметят, пока организуют поиск... там, глядишь, и Турция уже недалеко!

Еще рассказывали похожую на легенду историю одного инженера-электронщика, который спокойно и без хлопот перешел финскую границу пешком.

Во время коллективного выезда их НИИ за грибами в Карелию он сидел в кустах и определял сектора возможного наблюдения. Потом пошел, прикидывая, где его не возьмет фотоэлемент и прочая сигнализация. Смотрел под ноги и над головой. Карабкался, прыгал и полз. И прошел! Пройдя, он выбросил корзинку с грибами (при поимке нашими он косил бы под заблудившегося) и.. сдался финской полиции!

Там он рыдал от ужаса и просился домой: я за-за-заблудился! Его долго трясли, доставили в Петрозаводск, еще трясли. Где ты проходил?! Не-не-не помню!.. Поржали. Вставили фитиля пограничникам и отпустили дурака.

А через месяц дурак ушел проверенным маршрутом, с документами, с валютой — и с концами...

Эта история, конечно, выглядела совершенно неправдоподобной — пройти более сотни километров по лесу без еды, да еще с корзинкой грибов (!) — это сказки! Но сам факт побега, видимо, имел место — я о нем слышал не только от своих друзей, но и по радио «Свобода». Если через советско-финскую границу ушел какой-то электронщик, то чем я хуже? Тем более с моим опытом походов по сибирской тайге с раннего детства.

Нужно только достать подробные карты Карелии и Финляндии и разработать оптимальный маршрут. Хорошо бы еще выяснить схему охраны границы...

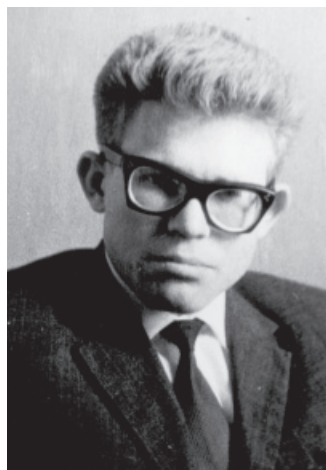
И тут я неожиданно понял, что уже думаю о побеге как о реальном предстоящем действии, которое так или иначе должен осуществить!

ВИЛЛИ

Когда Крысанов познакомил меня со своей университетской компанией, я наблюдал, как его харизма буквально притягивает к нему людей. Володя умел создать себе имидж эдакого бывалого, опытного человека, который знает гораздо больше, чем говорит. Да и внешне он выглядел соответственно: хороший костюм с галстуком «в тон», белая или голубая сорочка, всегда начищенные до блеска туфли и огромные роговые очки; отличная короткая стрижка, ровные крупные зубы (от курения — желтоватого цвета) и стальной взгляд, обращенный на всё и вся; я почувствовал его и на себе! При этом можно было заметить его абсолютную уверенность во всех своих действиях, мыслях и словах. Мне было совершенно непонятно, как деревенский паренек, проживший до семнадцати лет в сибирской глуши, смог так быстро адаптироваться к столичной жизни!

Всем своим университетским друзьям он уступал только в росте, но его небольшой рост легко компенсировался тем вниманием, которым он пользовался среди товарищей и девушек, держась настолько легко и непринужденно, что у случайного наблюдателя не возникало никаких сомнений насчет того, кто здесь главный...

Видимо, для Володи я представлял интерес как человек из того мира, в который он мечтал попасть. К тому же мой английский язык облегчал общение с иностранцами, что было для нас очень важно.

Однажды зимой, с трудом проникнув в модное кафе «Молодежное» на какой-то джазовый вечер, мы оказались за одним столиком с двумя шведскими студентами-математиками, приехавшими на годовую стажировку в МГУ. Ребятам было явно скучно и одиноко в Москве, поэтому они очень обрадовались знакомству с нами. Мы стали водить их по модным театрам и престижным московским ресторанам — ведь

с иностранцами туда было легко попасть! Знакомили со своими друзьями и с девушками, которые были не прочь потом поехать к ним в гости — они жили в гостинице на Профсоюзной улице... В общем, как могли организовывали их досуг. При этом Крысанов относился к этому делу как-то уж слишком серьезно!

Когда ребята уезжали, они не знали, как нас благодарить: оставили свои телефоны, приглашали в гости, обещая устроить такой же прием у себя в Стокгольме. Они, наверное, даже не подозревали, что легально попасть в Стокгольм нам было не проще, чем долететь до Луны! Однако номера их телефонов Крысанов аккуратно записал.

КРЫСАНОВ

Вчера вечером я отвез свой рюкзак на Ленинградский вокзал и сдал его в камеру хранения — лучше выйти из университета налегке, не демонстрируя, что куда-то уезжаю. На всякий случай — вдруг за мной следят? А интуиция подсказывала, что следить вполне могли. Хотя после того вызова в КГБ, когда я отказался сотрудничать с ними, меня больше не беспокоили и в работе над дипломом никаких обещанных препятствий не возникало, в последнее время я чувствовал себя как-то неуютно. А вдруг кто-то из арестованных ребят на допросе случайно назвал мою фамилию?

* * *

Всё началось с митинга у памятника Маяковскому, на котором я совершенно случайно оказался субботним вечером 14 апреля 1961 года, в день всенародного празднования полета Юрия Гагарина. Вокруг памятника стояла большая толпа народа, слушавшая поэтов, которые поочередно читали свои стихи. С момента открытия памятника Маяковскому в 1958 году такие чтения стали своеобразной московской традицией.

Когда я подошел к толпе, какой-то человек, забравшись на постамент, вместо ожидаемых стихов вдруг начал громко кричать, что Юра Гагарин ему нравится, а порядки в стране — нет! Толпа засвистела, зашумела... Потом его сменил неизвестный поэт,

прочитавший сатирические стихи с явным антисоветским уклоном. Обстановка вокруг явно накалялась — какие-то люди из толпы слушателей стали пробираться к памятнику, чтобы стащить поэта и сдать «куда следует». Но группа молодых ребят как по команде цепью встала вокруг пьедестала, защищая выступавшего.

Следующим читал свои стихи еще один поэт — видимо, из этой же группы. Прожектор подсвечивал его на пьедестале, когда он согнулся над толпой, как птица за миг до полета, и бросал в толпу слова: «Не нужно мне вашего хлеба, замешанного на слезах...»

В этот миг часть зрителей заревела в поддержку этих стихов, другие — протестуя против них, и начался какой-то хаос! Тут же появились дружинники с повязками, которые стали хватать и выступавших, и тех, кто их охранял. Рядом со мной оказался поэт, выступавший последним, — к нему уже приближались дружинники, горя охотничьим азартом.

«Надо спасать парня!» — подумал я. И, вспомнив свой испытанный прием для прохода на закрытые танцевальные вечера с иностранцами, властно протянул руку и уверенным голосом распорядился: «Этого забираю я!» Дружинники, приняв меня за кагэбэшника, передали мне поэта с рук на руки, после чего я быстро увел его с собой...

ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ

В главном здании университета регулярно устраивались танцевальные вечера для обучающихся здесь иностранцев. Разумеется, нас, советских студентов, на эти вечера не пускали. Проводились

они в центральном фойе на втором этаже, и там играл не традиционный магнитофон, а профессиональный оркестр с солистами и солистками. Состав оркестра и солистов мог быть нашим, а мог быть и иностранным! Вот куда каждому из нас, «простых смертных», хотелось попасть! Но... на входе стояли внушительные ребята-охранники. Поэтому, чтобы туда пройти, надо было либо иметь специальное приглашение, либо быть иностранцем с удостоверяющим этот факт документом. И вот тут на поле выходил Владимир Крысанов! Он проверял, нормально ли я одет, и проводил меня на мероприятие!

Я помню два таких случая. В первый раз, когда мы подошли к «секьюриту», Крысанов просто и внушительно сказал, указывая на меня: «Этот гражданин со мной!» — и прошел дальше, а я проследовал за ним. Представьте лицо охранника, который впал в столбняк, наглухо загипнотизированный моим другом.

Надо сказать, что речь Крысанова, когда он этого хотел, звучала, как приговор последней инстанции. При этом он очень оригинально произносил звуки. Его «р» звучало чисто по-английски, а вместо «л» Крысанов употреблял всё то же «р». Поэтому фамилию Углов он произносил так: Угров!

Когда мы так же попытались пройти на «запретный» танцевальный вечер во второй раз, охранник выставил руку и, вознамерившись нас ни в коем случае не пустить, потребовал документы!

Невозмутимый Владимир, не разжимая зубов, заявил: «Я распыжусь, чтобы этот пост сегодня же был снят к чертовой матери!!!» Думаю, что звучание букв «р» в первом и двух последних словах полностью парализовало волю молодого человека, ибо всякое сопротивление мгновенно было сломлено — и я получил возможность вдоволь насладиться любимым рок-н-роллом!

Умением Крысанова разговаривать с бюрократами, а также с той публикой, которая обожает упиваться любой — даже самой малой — полученной властью, мы часто с успехом пользовались. А Крысанов тем временем не переставал нас всех этим удивлять и восхищать.